

ЕЛЕНА МАРЕЕВА

«Лузер» апостол Павел

Первый экзистенциалист Серен Кьеркегор был «не как все», по существу, вел затворнический образ жизни и считал жизнь обывателей лицемерным прозябанием. Да, Кьеркегор был вполне обеспечен: отец, торговец чулками, оставил ему приличное состояние. И тем не менее то, что принято считать преуспеваемом и жизненным успехом, несовместимо с его представлением о смысле жизни. «Был ли апостол Павел государственным служащим? — пишет в дневнике Кьеркегор. — Нет. Имел ли он выгодную работу? Нет. Зарабатывал ли он большие деньги? Нет. Был ли он женат и производил ли на свет детей? Нет. Но ведь тогда выходит, что Павел не был серьезным человеком!»¹

Этот парадоксальный вывод датчанина Кьеркегора через 150 лет получил новое звучание, поскольку в глазах современной молодежи апостол Павел предстает, безусловно, «лузером». Но с другой стороны, было бы наивным клеймить молодых прагматиков, противопоставляя их поведению мученичества первых

христиан. В основании убежденности современников в том, что материальное богатство и социальный статус определяют «качество жизни», лежит ход европейской, а теперь уже и мировой истории. В этом контексте образование также осознается как средство обретения материального богатства и высокого социального положения.

То, о чем пишет Кьеркегор, — суть культурной ситуации, которая стала нормой в современной России. Но ее нельзя мерить одной меркой. Здесь сплелись многие тенденции развития «цивилизованного общества», которым не год-два и даже не двадцать лет. Россия, как это бывало и раньше, способна многое доводить до крайности, до гротеска. Но корни сложившейся ситуации уходят в XX и даже в XIX век, когда достигло расцвета так называемое буржуазное общество, которое в то же время является «массовым обществом» со свойственной ему «массовой культурой».

В. М. Межуев пишет, что философия является «самосознанием человека в свободе», политической и духовной. А потому расцвет философии приходится на две эпохи — античность и Новое время, отмеченные

¹ *Цит. по:* «Серен Кьеркегор сам о себе в изложении Петера П. Роде». Челябинск, 1998. С. 201.

МАРЕЕВА Елена Валентиновна — заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Московской международной высшей школы бизнеса «МИРБИС» (Институт), доктор философских наук, профессор.

Ключевые слова: философия, апостол Павел, Х. Ортега-и-Гассет, буржуазность, мешанство, кризис духовности, прагматическая философия.

переходом от тиранических режимов к демократии и гражданскому обществу². Отметим, однако, что демократия демократии рознь. И античная демократия как власть народа постоянно срывалась в охлократию как власть толпы, за что демократию и не одобряли Сократ и Платон. Оговорюсь, что абстрактное восхваление демократии как цели развития — атрибут любого общественного преобразования XX—XXI веков. Другое дело, чем оборачиваются такого рода преобразования. Речь идет не о злом умысле и амбициях политиков, что, конечно, имеет место, а о противоречивости самого демократического устройства, что нагляднее всего проявилось в «гражданском обществе» наших дней.

Если философия, искусство, вся культура Возрождения проникнуты богоборческими мотивами, возвеличиванием человека с его творческой мощью, то Новое время — это возвышение и уравнивание людей прежде всего в политических правах. Недаром Межуев подчеркивает два аспекта свободы в гражданском обществе: политический и духовный. А предпосылка духовной свободы — всеобщее образование, в связи с чем стоит напомнить, что уже в 1763 году в Пруссии указом Фридриха Великого был принят закон об обязательном образовании, а в 1852 году Массачусетс стал первым из американских штатов, который ввел закон об обязательном образовании в его современной форме.

Понятна аристократическая реакция на уравнивание граждан в доступе к благам цивилизации. Но почему Н. А. Бердяев уже в XX веке заговорил о возврате к «новому Средневековью» для спасения высокой культуры? По-

чему в период между двумя мировыми войнами Х. Ортега-и-Гассет пишет известную книгу «Восстание масс», где негативно оценивает не античный охлос, а «массу» как характерное явление своего времени?

Три начала сделали возможным эту новую реальность, пишет он: либеральная демократия, экспериментальная наука и современная промышленность. В этой триаде ничто не рождено XIX веком, но все унаследовано от двух предыдущих столетий. Но важно вникнуть в ее неумолимые следствия. Либеральная демократия, отмечает автор «Восстания масс», была результатом титанических усилий людей, объединенных целями, убеждениями и идеалами. Но плодами этих достижений теперь пользуется «массовый человек» с «массовой душой», главная черта которого — заурядность. Никогда еще рядовой человек, продолжает Ортега-и-Гассет, не утолял с таким размахом свои житейские запросы. И будучи «потребителем» достижений цивилизации, он переносит на себя их достоинства.

Напомним, что эта книга была написана в первой половине XX века, когда еще не сложились стандарты общества «всеобщего потребления». Но в преддверии этой реальности испанский философ говорит о таких психологических чертах «массового человека», как беспрепятственный ростжизненных запросов и безудержная экспансия собственной природы³. Понятно, что такова психология не всех, но большинства в современном обществе, и формируется она самим промышленным производством, на которое, как на величайшее благо, указывает Ортега-и-Гассет. Если средневековый мастер создавал свои произведения для немногих, то промыш-

² См. В. М. Межуев. *Идея культуры. Очерки по философии культуры*. М., 2006. С. 18.

³ См. Х. Ортега-и-Гассет. *Восстание масс*. Сборник статей. М., 2002. С. 57.

ленность XX—XXI веков рассчитана как раз на массу, культивируя у этой массы соответствующие потребности, без которых ее постигнет крах. Здесь перед нами та же противоречивая ситуация, как с уже упомянутой демократией. В борьбе за достоинства мы плодим недостатки. Демократизация бытовой культуры оборачивается потребительством, а свобода — индивидуализмом.

Странной и нелепой кажется сегодня борьба советских времен против мещанства. Но послушаем врага Советской власти Д. Мережковского, который сходится с великим русским демократом Герценом в противостоянии меркантилизму, культивируемому буржуазным обществом. «Мещанство победит и должно победить, — пишет Герцен в 1864 году в статье “Концы и начала”. — Да, любезный друг, пора прийти к спокойному и смиренному сознанию, что мещанство — окончательная форма западной цивилизации»⁴.

Мещанин происходит от *польско-го* «*mieszczanin*», что буквально значит «горожанин». Мещанин, гражданин и горожанин — изначально имеют одно содержание. Но в XIX веке у слова «мещанин» появился определенный этический смысл, который имеют в виду Герцен и Мережковский. Мещане — не просто те, кто живет и работает в городе и пользуется благами цивилизации. Вспомним, как рвались в советские времена из деревни в город, где было водоснабжение с электричеством, магазины и кинотеатры. Мещанин — скорее тот, кто сосредоточил внимание на самих вещах. И это не просто стремление к налаженному быту. Не предосудительно желание хорошо жить. Но уже Герцен, наблюдая евро-

пейских обывателей, констатирует, что желание «хорошо жить» стало у них смыслом этой самой жизни. А сегодня «безудержная экспансия природы» мещанина проявляет себя через освоение «современной» техники и модных «трендов», вплоть до способов общения, которое создает впечатление полноты жизни и развития индивида на фоне его заурядности.

Еще более резко характеризует сложившуюся ситуацию Ортега-и-Гассет, когда говорит о современной «тирании пошлости». Специфика нашего времени, пишет он, состоит в том, что посредственность, полагая себя незаурядной, «провозглашает и утверждает свое право на пошлость, или, другими словами, утверждает пошлость как право»⁵. А итогом является абсурдное состояние духа, в котором пребывает масса: больше всего ее заботит собственное благополучие и меньше всего — его истоки, включая развитие способностей.

Пошлость мещанского сознания не только и не столько в непристойностях, хотя и это сегодня в большой моде. Пошлость проявляется в агрессивном отрицании духовной стороны жизни или ее скептическом принижении в пользу полноты телесной жизни и материального благополучия. «Пошляком» в свое время называли того, для кого любовь лишь физиологические отношения между полами. Но пошлость — еще и уверенность в том, что все на свете можно купить, вопрос только в цене, что деньги не пахнут, и учиться нужно для того, чтобы хорошо зарабатывать. А для чего же еще? Многие скажут, что так устроена теперешняя жизнь, и будут правы. Но кто-то идет против течения, считая неподлинным то, что большинством воспринимается как норма. Так

⁴ *Цит. по:* «Интеллигенция — Власть — Народ». М., 1992. С. 81.

⁵ **Х. Ортега-и-Гассет.** Восстание масс. С. 68.

было не только у Кьеркегора. Так было и у почти забытого сегодня Максима Горького, который в свое время писал: «Мещанин любит иметь удобную обстановку в своей душе. Когда в душе его все разложено прилично — душа мещанина спокойна»⁶. Удобство — цель такой жизни. Терпеть неудобство ради иных целей — глупость. Временное неудобство как развлечение или спорт — другое дело.

Массовая культура через СМИ создает шаблонный обезличенный типаж «успешного индивидуалиста», который воспринимается миллиардами людей по всему миру. Но Алексей Максимович Пешков, который сам писал под псевдонимом «М. Горький», считал неподлинной ситуацию, когда в центр мира, сознательно или бессознательно, ставится индивид с его эгоистической потребностью. Мещанин, пишет Горький, «способен возвести свою зубную боль на степень мирового события»⁷. Аналогичный образ у Ф. М. Достоевского. «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? — задает риторический вопрос герой “Записок из подполья”. — Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить»⁸.

Бытовая потребность как центр мироздания — яркий образ писателей и публицистов на рубеже XIX—XX веков. Понятно, что не все так однозначно, люди сложнее и противоречивей, что сумел выразить, в частности, тот же Достоевский. Но речь здесь идет об определяющей тенденции. О тех новых тенденциях «массового общества», о которых в XIX веке писали не только Герцен и Достоевский. По-своему восставал против засилья «последнего челове-

ка» Ф. Ницше. Ницшеанство эпатировало добропорядочных обывателей рубежа веков. Но не забудем, что пафос учения Ницше — это протест против приземленности человеческого существования. Противоречивый образ Сверхчеловека он противопоставляет здравомыслию большинства современников, которым незнакомы творческие порывы и возвышенные стремления.

Нас становится все больше, теснота рождает неудобство и взаимное неприятие. Но причина не только в скученности. Равный завидует и даже ненавидит равного, способного достичь большего и получить больше. Это отношение к другому Фридрих Ницше, а потом Макс Шелер называли французским словом «ресентимент», для которого, как отмечал Шелер, нет эквивалента в немецком языке, кроме слова «Groll» — «злоба». Но это — не просто злоба, а удивительная смесь гордости и унижения, которую умел описать только Достоевский. Ф. Ницше считал, что это чувство всегда было присуще слабым, у которых ощущение собственной неполноценности рождает ненависть к сильному, к Сверхчеловеку. Но ресентимент имеет социальную природу. Он существовал не всегда и возникает там, где человек уже осознал себя равным другому. Это чувство не испытывают к другому по сословию, расе и пр. Там испытывают иные чувства. Ресентимент, подобный смердяковскому, — это бессильная злоба и зависть к тому, кто равен тебе и одновременно непреодолимо неравен. Ведь лакей Смердяков — незаконорожденный сын Федора Карамазова, который осознает свое равенство и одновременно неравенство с Иваном, Митей, Алешей, а потому ненавидит их особой ненавистью.

Ресентимент — порождение эпохи, провозгласившей равенство в нерав-

⁶ М. Горький. Заметки о мещанстве. — Он же. Собрание сочинений. Т. 16. М., 1979. С. 207.

⁷ Там же. С. 208.

⁸ См. Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1957.

ных условиях. Поэтому рост общественного богатства не ликвидирует этих чувств и настроения, которые часто проявляются во взрывах внешне не мотивированной агрессии. Но стремление к равенству в мещанской среде тоже противоречиво, поскольку, завидуя более богатому соседу, мещанин хочет всех и вся уравнивать, а с другой стороны, боится равенства, потому что он понимает это так, что и у него тоже убудет.

Что касается современной интеллигенции, то явный или скрытый скепсис в отношении всего «высокого» — всякого рода альтруизма, героизма, стремления к истине и справедливости — у нее часто вполне сочетается с суррогатными формами духовности. И прежде всего — это опять же подмена духовного качества техническим умением. Чтобы стать специалистом, тоже нужно учиться. Но профессиональное занятие умственной деятельностью не предполагает приверженности идеалам Истины, Добра и Красоты. Тем более что те, кто объявляет себя носителями «высших идеалов», вполне могут оказаться болтунами и пошляками. Универсальное развитие и всесторонняя образованность, таким образом, сменяются узким профессионализмом. Если эпоха Возрождения нуждалась в интеллигенте как творческой индивидуальности, то в XX веке востребован тот, которого принято называть «интеллектуалом», то есть компетентным в определенной области специалистом.

На одном полюсе здесь, к примеру, Интернет как великое изобретение человечества, а на другом — социальные сети, которые сегодня стали пространством массового общения обывателей. На одном полюсе — символическая фигура Стива Джобса, а на другом — создатель Facebook Марк Цукерберг, история которого воссоздана в фильме Д. Финчера «Социальная сеть». В статье «Пустой

Что касается современной интеллигенции, то явный или скрытый скепсис в отношении всего «высокого» — всякого рода альтруизма, героизма, стремления к истине и справедливости — у нее часто вполне сочетается с суррогатными формами духовности. И прежде всего — это опять же подмена духовного качества техническим умением.

нашего времени» журналист А. Архангельский пишет: «“Настоящий человек”, как его понимала культура, закончился. Человеком в рамках этой культуры считался тот, кто стремился стать больше себя и хотел, чтобы его за это уважали. Это “сверхценностное поведение” было мотивом не менее сильным, чем желание пищи и сна, и, как утверждал Фукуяма, двигало историю вперед. Сегодня и такой человек, и такое поведение неэффективно и попросту не нужно, что и подтверждает история Марка Цукерберга, основателя Facebook, которому посвящен фильм “Социальная сеть”»⁹. Нельзя

⁹ См. <http://vz.ru/columns/2011/1/20/462351.html>

сомневаться в креативности Марка, но «феномен Цукерберга» в том, пишет Архангельский, что это «человек будущего без ДУШИ». История создания Facebook показывает, что наш герой не то чтобы смеется, но в принципе не понимает, что имеют в виду, когда говорят «дружба», «честь» или «любовь». Это все равно как если бы трехмерное изображение упрекало двухмерное в том, что, мол, ты какое-то плоское. И в этой пустоте «имени Цукерберга», констатирует журналист, придется нам как-то жить¹⁰.

Корни этой ситуации опять же уходят в XIX век. Евгений Базаров был «цукербергом» своей эпохи. К концу XIX века это стало умонастроением в среде научно-технической интеллигенции. А сегодня рассудочность интеллигентов, создающих передовые средства к жизни, и здравый смысл массы, их потребляющей, стали «трендом» массового общества. И такого рода суррогат богатства личности в глазах тех же людей — не недостаток, а достоинство.

Одной из причин суррогатности духовной жизни XX века Ортега-и-Гассет считал систему образования. Ведь в школе, которой так гордились в XIX веке, позднее уже занимались не воспитанием души, а обучением навыкам и технике современного существования. В работе «Дегуманизация искусства» он пишет: «Детей обучали тому, как наиболее интенсивно прожить свою жизнь, но не воспитывали готовности к осуществлению великих исторических задач; им насильно прививали гордость достижениями цивилизации и навыки управления современной техникой, но забыли о воспитании духа. Поэтому нашего

современника и не интересуют духовные ценности»¹¹.

Компьютерная грамотность и знание языков в наши дни все чаще оказываются не предпосылкой культурного развития, а опять же — суррогатом, в данном случае — образованности. Не существует общественных проблем, по поводу которых не высказывались бы банальности и произвольные суждения, выдаваемые нынче за оригинальность. Но прежде всего это касается политики и философии. «Что сказали бы о том человеке, который, собираясь заняться математикой, — писал в свое время Герцен, — потребовал бы вперед ясного изложения дифференцирования и интегрирования, и притом на его собственном языке? В специальных науках редко услышите такие вопросы: страх показаться невеждой держит в узде. В философии дело другое: тут никто не женируется (не стесняется)! Предметы все знакомые — ум, разум, идея и проч. У всякого есть палата ума, разума и *не одна, а много идей*»¹².

Отсутствие серьезной гуманитарной подготовки на фоне успехов естественных наук закономерно рождает мнение о том, что смысл жизни — борьба за существование, суть общения в обмене информацией, а душа весит шесть граммов. Такого рода «общее мнение» в пространстве массовой культуры — заменитель идеи, знания и убеждения. Даже дипломированный специалист в отсутствие универсального образования и общей культуры будет декларировать вам подобные «взгляды» от имени современной науки, зачастую в самой агрессивной форме. «Раз навсегда освящает он, — пишет по данному поводу Ортега-и-Гассет, — ту мешанину

¹¹ **Х. Ортега-и-Гассет.** Дегуманизация искусства. М, 1991. С. 79.

¹² **А. И. Герцен.** Сочинения. В 2 т. Т. 1, М., 1985. С. 92.

¹⁰ См. там же.

прописных истин, несвязных мыслей и просто словесного мусора, что скопилась в нем по воле случая, и навязывает ее везде и всюду, действуя по простоте душевной, а потому без страха и упрека»¹³.

В сложившихся условиях мышление заменяется говорением, а манипулирование терминологией повсеместно осознается как творчество. Герцен отмечал, что дилетанты всегда искали легких путей в науке и жаждали быстрого успеха. Сегодня востребованы диссертации, где философией оказывается софистика, способная при отсутствии содержания впечатлять «языковой игрой». В свою очередь, это востребовано педагогической практикой, где азами цивилизованности в условиях инфляции слова оказывается умение много говорить.

Один из итогов борьбы за демократию — убежденность каждого в том, что у него есть право голоса. Его точка зрения должна быть учтена и нигде не забыта. Но в духовной культуре это дает еще один неожиданный результат, оборачиваясь релятивизмом, когда в науке, философии, искусстве идет борьба с «репрессивностью» канонов. У каждого свое мнение, свой вкус, своя истина — в общем все относительно. О том, что «все относительно», заявляют, как о чем-то нетривиальном, не подозревая, что эта мысль просто носится в воздухе.

Такая «вкусовщина», замечал Герцен более ста лет назад, также связана с вопиющим эгоизмом. «К философии приступают с своей маленькой философией; в этой маленькой домашней, ручной философии удовлетворены все мечты, все прихоти эгоистического воображения. Как же не рассердиться, когда в философии-науке все эти мечты бледнеют

перед разумным реализмом ее!»¹⁴ Последние слова Герцена замечательны тем, что характеризуют нашу сегодняшнюю ситуацию в гуманитарном образовании, где отсутствие знаний и понимания «философии-науки» выдают за свою точку зрения, собственное мнение по данному вопросу. Всеобщая грамотность позволяет каждому судить, решать, выносить приговор. В связи с этим не могу не привести пример из собственной практики. Студентка, которая не смогла сказать что-либо связанное о Людвиге Фейербахе, тут же заявила, что у нее есть собственное мнение, и мы в данном случае расходимся во взглядах. И действительно, знание и незнание, ум и глупость, — разве это не разные взгляды на мир?

Современник Ортега-и-Гассета писатель Герман Гессе характеризовал ситуацию первой половины XX века как «фельетонную эпоху», которая, как мы видим, не завершилась и в наши дни. При всех условностях и особенностях жанра «Игры в бисер» в романе просматривается та же идея, что и в «Восстании масс». Характеризуя «реформацию духовной жизни», начавшуюся в XX веке, Гессе отсылает нас к мнению героя романа некоего Цигенхальса о том, что это была «мещанская» и приверженная глубокому индивидуализму эпоха. Соглашаясь с Ницше в том, что уже в конце XIX века стал явным кризис культуры и западной цивилизации в целом, Цигенхальс констатирует унылую механизацию жизни, глубокий упадок нравственности, безверие народов, фальшь искусства.

И на этом фоне добровольной капитуляции духа «пищей» большинства стали фельетоны, в которых журналисты беспрерывно «болтали» о тысячах разных предметов. В ходу

¹³ Х. Ортега-и-Гассет. Восстание масс. С. 67.

¹⁴ А. И. Герцен. Сочинения. Т. 1. С. 91.

были многочисленные опросы, иронизирует герой романа Гессе, когда «маститых химиков или виртуозов фортепианной игры заставляли высказываться о политике, любимых актеров, танцовщиков, гимнастов, летчиков или даже поэтов — о преимуществах и недостатках холостой жизни, о предполагаемых причинах финансовых кризисов и так далее». После каждого происшествия, скандала и события в жизни известных людей, о чем люди узнавали тотчас же, читатели получали «уйму анекдотического, исторического, психологического, эротического и всякого прочего материала по данному поводу; над любым происшествием разливалось море писанины, и доставка, сортировка и изложение всех этих сведений непременно носили печать наспех и безответственно изготовленного товара широкого потребления»¹⁵.

Поставщики этой чепухи принадлежали не только к редакциям газет, но порой слыли писателями-художниками, принадлежали к ученому сословию, были известными преподавателями высшей школы. Мы поражаемся, замечает Цигенхальс в «Игре в бисер», не столько тому, что находились люди, ежедневно проглатывавшие это чтиво, «сколько тому, что авторы с именем, положением и хорошим образованием помогали “обслуживать” этот гигантский спрос на ничтожную занимательность»¹⁶.

Что касается науки, то в просветительских целях «бандиты духовного поприща», читаем мы у Гессе, предлагали обывателям, еще цеплявшимся за лишенное прежнего смысла «образование», нечто вроде

«благородного фельетона», в котором «какое-то количество модных интеллектуальных словечек перетряхивалось, как игральные кости в стакане, и каждый радовался, если одно из них с грехом пополам узнавал. Люди слушали доклады о писателях, чьих произведений они никогда не читали и не собирались читать, смотрели картинки, попутно показываемые с помощью проекционного фонаря, и так же, как при чтении газетного фельетона, пробирались через море отдельных сведений, лишенных смысла в своей отрывочности и разрозненности». Характерным примером деморализации духа, по мнению Гессе, стала мода на кроссворды, когда «тысячи людей, в большинстве своем выполнявших тяжелую работу и живших тяжелой жизнью, склонялись в свободные часы над квадратами и крестами из букв, заполняя пробелы по определенным правилам»¹⁷.

Прошло почти столетие, но узнаваемо все, о чем пишет Гессе. Хотя вместо газет, речь уже идет о системе СМИ, включая Интернет, а вместо проекционного фонаря при чтении бессмысленных докладов используют виртуальные презентации. Поостережемся видеть только комичную или сумасшедшую сторону этого занятия, пишет Гессе, и воздержимся от насмешек над ним. То, что Гессе называет «фельетонной эпохой», формировалось перед Первой мировой войной, когда О. Шпенглер писал «Закат Европы». Люди уже чувствовали себя беззащитными перед смертью, болью, голодом. «Фельетонная эпоха» в определенном смысле — попытка заслониться от страха перед будущим, когда нет веры в завтрашний день.

¹⁵ Г. Гессе. Степной волк. Игра в бисер. Паломничество в страну Востока. М., 2004. С. 174.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 175.

Сегодня ситуация изменилась, и в фельетонном мире живет не *перетуганный, а преуспевающий обыватель*, включая «сильных мира сего», которые могут не решать кроссворды, но смысл жизни у них все тот же. Парадокс этой действительности еще и в том, что люди, получившие свой кусок, хотят еще большего. Но даже те, кто получает достаточно средств к жизни, от самой жизни получают не так уж много. «Массовый человек» разгадывает кроссворды, смотрит развлекательные передачи и даже ищет острых ощущений, потому что на серьезные вещи после трудовой рутины нет душевных сил.

В свое время Ф. Достоевский ответил юному Д. Мережковскому: «Чтобы хорошо писать, — страдать нужно, страдать!» И речь, конечно, шла о страдании, которое сродни состраданию — социальному чувству, которое отличает только людей. Чтобы его в себе взрастить, необходима душевная работа. Но сегодня страдание у большинства ассоциируется не с душевной, а с физической болью. Так устроено современное общество, в системе координат которого и Сократ, и апостол Павел по сути — «лузеры». И нужен, конечно, мощный социальный сдвиг, а не стенания, чтобы изменить эту логику. ◆